

Елена Бессчетнова*

Приказ № 1 и развал армии: победы русского анархизма**

Развал императорской армии был одной из главных причин Октябрьской революции. Являясь особенным организмом, существующим по своим законам и ужасающим сфинксом на охране русского самодержавия, армия была не только прообразом дисциплины и порядка, но и главным гарантом стабильности в государстве. События Первой мировой войны вызвали процесс постепенного разрушения основ русской армии, который в 1917 году достиг своего апогея. В течение Февральской революции регулярные войска оказались не способны защитить монархию. 1 марта был издан знаменитый Приказ № 1, ставший точкой невозврата для русской армии. После его мгновенного распространения покатилося «красное колесо» и победа русского анархизма стала неизбежна. Все это привело российское государство и общество к социокультурной и политической катастрофе.

На протяжении практически трех столетий Императорская армия была самым надежным и гибким орудием самодержавия, особым организмом с суровым корпоративным духом, прообразом стабильности, порядка и дисциплины. Представление об императоре как о помазаннике Божьем было подкреплено воинской присягой. Войска присягали на верность не просто Отечеству, а именно Императору. Для солдат, состоящих из крестьян, и тем более для кадровых офицеров это не было простой формальностью. Первый пункт Кодекса русского офицера¹ звучал следующим образом: «Первая и главная обязанность солдата – это верность Государю Императору и Отечеству. Без этого качества он негоден для военной службы. Целостность Империи и поддержание ее престижа основано на силе армии и флота; их качества и недостатки отзываются на всей стране, поэтому не твое дело впутываться в социальные вопросы и политические умствования; твое

* Кандидат философских наук, преподаватель школы философии, заместитель заведующего Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва).

** Письменная версия доклада, прочитанного в рамках конференции «Россия сто лет после революции: причины и последствия», организованной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ (апрель 2017). Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100»

¹ Во время Русско-японской войны 1904-1905 годов ротмистр Валентин Кульчицкий написал *Советы молодому офицеру*, которые, по сути, стали кодексами чести русского офицера.

дело неуклонно исполнять свои обязанности»². Армия, в сущности, была единственной действительной защитой монархии против революционных сил. Победа правительства в 1905 году над восставшими массами стала возможна именно благодаря действиям войск. Социальная замкнутость армии способствовала наименьшему проникновению в нее вирусов политического брожения того времени. Генерал-майор свиты Императора Николая II Д.Н. Дубенский писал в своих воспоминаниях о предреволюционных месяцах: «Столица поразила меня после деловой и серьезной жизни в Ставке. – Там и Государь, и Штаб, и все учреждения с утра до вечера работали и были заняты серьезными, неотложными делами, вызванными громадной войной. Почти все были чужды других интересов»³.

В свою очередь Солженицын в *Размышлениях над Февральской революцией* писал, что «к началу 1917 года российская монархия сохранялась еще в огромной материальной силе, при неисчислимых достояниях страны. И к ведению войны: уже развившаяся военная промышленность, еще небывалая концентрация на фронте отличного вооружения, все ж еще не домолоченный кадровый офицерский состав и – еще никогда не отказавшиеся воевать миллионы солдат»⁴. Но в феврале 1917 года защитить монархию – «ни народ, ни армия не оказались подготовлены»⁵. Вопрос «Почему»?

Русская армия, которая внешне выглядела почти победителем в Великой войне, оказалась не просто проигравшей стороной, она в принципе была уничтожена анархическими элементами. После чего и вся страна скатилась в бездну, потеряв свою основную опору. Уистон Черчилль писал в своих мемуарах о Первой мировой войне и российском императоре: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак флотом. Кроме того, – никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на

² Кодекс чести русского офицера. М., 2017. С. 9.

³ Дубенский Д.Н. Воспоминания: революция или как произошел переворот в России. М., 2017. С. 60.

⁴ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией. М., 2016. С. 5.

⁵ Там же. С. 53.

своем фронте; иными словами – держаться; вот и все, что стояло между Россией и плодами общей победы»⁶.

Безусловно, это взгляд человека, который смотрит на Россию со стороны и не принимает во внимание состояние дел внутри государства и армии, и уж точно не способного понять и оценить, каким может быть размах и мощь русской стихии. Единственно в чем с ним можно согласиться – это в утверждении, что Россия действительно должна была держаться. Но как это возможно было сделать, когда главные опоры (в первую очередь армия) оказались подрублены.

Война внесла свои коррективы относительно ее состояния, огромные потери и массовая мобилизация привели к кардинальному изменению ее состава. Вместо молодых русских быстро обучаемых крестьян, которые были превосходными солдатами, появилось огромное количество, как писал Г.М. Катков, «бородатых семейных людей, интересы которых глубоко укоренились в жизни деревень и хозяйств»⁷. В свою очередь офицерский состав пополнили люди, раньше никогда не думавшие о военной карьере из земств и городских управ, из русской университетской молодежи, в том числе и радикальной. Катков отмечает, что «большинство из них поступило на военную службу по патриотическим соображениям. Но патриотизм, как они его понимали, означал присягу родине, а не государю, даже и в тех случаях, когда два этих понятия сознательно не противопоставлялись друг другу»⁸, тем самым в войсках появились элементы, через которых легко можно было распространить революционную пропаганду. По сути, армия перестала быть элитным организмом, изолированным от агитации и политических дискуссий, а превратилась в огромную народную массу в военной форме. Кроме того, на передовых линиях фронта актуализировались системные проблемы: перебои в снабжении продовольствием и боеприпасами, преимущественная неграмотность нижних чинов, непонимание смысла и значения событий и инициатив военного времени, затухание патриотических настроений, недоверие и критика командного состава.

Постепенное брожение в армии было вызвано и тем, что сами генералы отчасти вольно, отчасти невольно были вовлечены в политические интриги, итогом которых стало их роковое отступление от присяги, переход на сторону Временного комитета, по сути, предательство императора в последние дни перед отречением. Солженицын писал об этом: «Мы видели, как Алексеев через Родзянку втянулся в прямые переговоры с мятежной столицей и дал убедить себя и сделать себя орудием свержения с трона (вероятно, в ложной надежде, что так государственная перетряска пройдет всего быстрее и безболезненней для Действующей армии) – хотя для военного человека во главе семимиллионной перволи-

⁶ Цитата по: Хрусталева Д.М. Революция, или как произошел переворот в России // Д.Н. Дубенский: воспоминания генерал-майора свиты государя императора Николая II / Под ред. Д.М. Хрусталева. М., 2017. С. 44.

⁷ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 115.

⁸ Там же С. 116.

нейной армии не мог быть закрыт другой путь: не склонять Главнокомандующих к государеву отречению, а вызвать Родзянку к себе, а то и по телеграфу продиктовать Петрограду ультиматум»⁹.

В феврале 1917 года на улицы столицы вышли огромные толпы вооруженных людей в солдатских шинелях. Восставший Петроградский гарнизон дал очень точное понимание, каким будет солдат революционной армии, и за что он будет бороться. Многие из солдат запасных батальонов не были даже приведены к присяге. В первые дни революции, когда на улице бушевали неконтролируемые солдатские массы, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов издал мастерски сформулированную программу в виде четких и коротких фраз Приказа № 1, который стал главным вектором развития солдатской массы.

Это была точка невозврата для русской армии, после публикации Приказа № 1 и доведения его до фронтовых частей остановить процесс разложения армии было практически невозможно. Благодаря ему была выполнена главная задача – деморализация солдат и как следствие разрушение воинской дисциплины, ставшей первым шагом к отмене всякого государственного порядка. Иван Шмелев писал об этом: «Далеко, за фронтом, все решили – без них – взбунтованные толпы, слабость власти, рок... В награду дали... приказ бесчестья! Подлостью – одних преступной слабостью других, – приказ бесчестья. Сотни тысяч ответственных бойцов предали: бросили в бесчестье, в травлю, в смуту, – чутких к чести, молодых...»¹⁰.

Приказ № 1 был бумажной бомбой, формально документ обращался к революционному Петроградскому гарнизону, но при этом был напечатан в *Известиях* 9 млн. копиями, фактически – это был предательский удар с тылу по всей многомиллионной русской армии.

Естественно никакой юридической силой он обладать не мог, достаточно посмотреть на его дату 1 марта, то есть за день до отречения императора. Издан он был Петроградским Советом рабочих и солдат, органом, который, по сути, был самозванным. Сошлюсь на Г.М. Каткова: «Петроградский Совет и Исполнительный Комитет были учреждены за несколько часов до того, как Временный Комитет Думы решил взять власть в свои руки. Пока члены Думы гадали, существует ли еще царское правительство и стали ли они в силу обстоятельств его преемниками, группа самозванных революционеров, самовольно явившихся в Думу, объявила себя центром народного движения и создала комитет, смело названный ими «штабом революции» [...] В Думу они пойти не могли, потому что там их попросили бы соблюдать дисциплину, вернуться в казармы и повиноваться офицерам»¹¹. Но явная нелегитимность приказа не волновала его авторов, особенно после осознания того, что он выполнил свою задачу максимум, всколыхнул армию по линии фронта. Питирим Сорокин в своей автобиографии *Дальняя дорога*

⁹ Солженицын. Размышления над Февральской революцией. С. 38.

¹⁰ Шмелев И.С. Вьезд в Париж. М., 2003. С. 375.

¹¹ Катков. Февральская революция. С. 358.

писал: «Я только что прочитал "Приказ № 1"... суть которого сводится к благословению неподчинения солдат приказам своих командиров. Какой псих сочинил и опубликовал это?..»¹².

Позже большевики прямо называли Приказ № 1 необходимым и надлежащим средством для спасения революции, а для этого необходимо было развалить старую армию. Так кто же все-таки автор приказа? Согласно легенде, озвученной Троцким в работе *История русской революции: Февральская революция*, Приказ № 1 – это честный ответ самих масс на вопросы, поставленные революцией перед армией. Троцкий писал: «В горячей атмосфере тех часов, в хаосе заседания, похожего на митинг, под прямую диктовку солдат, которым не успели помешать отсутствовавшие вожди, возник знаменитый "приказ № 1", единственный достойный документ Февральской революции, хартия вольностей революционной армии»¹³.

Во многих воспоминаниях участников событий, членов Петроградского совета усердно воссоздается картина работы «демократии в действии». Формальный автор приказа адвокат Наум Соколов представлен как лицо, лишь записывающее волю солдат. Оригинал текста, написанного Соколовым, не сохранился, но в итоге был напечатан вариант, изложенный на отточенном бюрократическом языке, которым едва ли могли владеть простые солдаты. Катков в свою очередь об этом пишет открыто: «Ни Соколов, ни солдаты не могли бы удержаться от неумеренности, типичной для революционного опьянения тех первых дней. Напечатанный документ сух и сдержан, четкостью стиля напоминает Ленина»¹⁴.

Самыми радикальными были пункты о создании комитетов из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей; о контроле и выдаче любого вида оружия (винтовок, пулеметов, бронированных автомобилей) комитетам и о невыдаче офицерам оружия даже по их требованиям. Н.Н. Головин отметил, что «Таким образом, узаконивалось неповиновение и в то же время офицеры обрисовывались опасными врагами солдат. Во всех параграфах приказа № 1 составители этого приказа вели демагогическую игру с темной солдатской массой, которая с особенным восторгом принимала все, что освобождало ее от каких-либо обязательств»¹⁵.

В целом Приказ № 1 провозглашал права солдат, основывающихся на ущемлении прав офицеров без указания обязанностей первых. В.В. Кожинов, советский и российский критик, справедливо отметил: «Если вдуматься в категорические фразы Приказа № 1, станет ясно, что дело шло о полнейшем уничтожении созданной в течение столетий армии – станового хребта государства; одно уже демагогическое положение о том, что "свобода" солдата не может быть ограни-

¹² Там же.

¹³ Троцкий Л.Д. История Русской революции: Февральская революция. М., 2017. С. 257.

¹⁴ Катков. Февральская революция. С. 360.

¹⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. С. 25.

чена "ни в чем", означало ликвидацию самого института армии»¹⁶. Это был прямой удар по офицерству, которое призвано было сохранить дисциплину – главную основу армии как особого организма.

Но ведь, если задуматься, то, в сущности, Приказ № 1 стал возможен и имел такой колоссальный разрушающий эффект не только потому, что была для него подготовлена благоприятная почва. Это уже скорее было следствием того, что анархические идеи созревали в русском интеллектуальном пространстве долгие годы. Василий Розанов в «Апокалипсисе нашего времени» писал: «Приказ № 1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготовляла вся русская литература. Но нужно было, чтобы – гораздо ранее его – начало слагаться пренебрежение к офицеру как к дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях к – ничтожеству и отчасти к вору. [...] Когда вся эта литература прошла, – прошла в гениальных по искусству созданиях "русского пера", – тогда присяжный поверенный Соколов "снял с нее сливки"»¹⁷.

Практически весь девятнадцатый век и начало двадцатого представляли собой идейную борьбу за спасение России тех, кто выступал за постепенную модернизацию самодержавия (генерал Фадеев, К.Н. Леонтьев, Вл.С. Соловьёв, Б.Н. Чичерин, П.А. Столыпин) против роста анархических и деморализующих народ настроений, подкрепляемых распространению идей Л.Н. Толстого, нигилистов и авторов прокламации «Молодая Россия». Хотя стоит отметить, что, наверное, одним из первых программных документов, который наносил удар по воинской дисциплине и фактически подразумевал отмену регулярной армии, был «Манифест декабристов», найденный следствием в бумагах кн. Трубецкого и составленный непосредственно перед началом выступления. В данном контексте интересен п. 6. из списка первостепенных задач Временного правления: «Уничтожение постоянной армии». Также программные документы Исполнительного комитета «Народной воли» содержат требование замены постоянной армии территориальной (параграф Г. п. 8)¹⁸.

Если говорить о русской литературе, то главный удар был нанесен Великим Львом Толстым через его отрицание истории и культурного наследия: науки, искусства, церкви армии и государства. В своей небольшой статье «Проект о реформировании армии» Л.Н. Толстой пишет, что в России нет армии, а «есть толпы угнетенных рабов, повинующихся вору, угнетающим наемникам и грабителям, и в этой толпе нет ни преданности к царю, ни любви к отечеству – слова, которые так часто злоупотребляют, – ни рыцарской чести и отваги, есть с одной стороны дух терпения и подавленного ропота, с другой дух угнетения и лихоим-

¹⁶ Кожин В.В. Правда сталинских репрессий. М., 2007. С. 5.

¹⁷ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // Авторский сборник. М., 2008. С. 256.

¹⁸ См. об этом: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под. ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997. С. 416-420.

ства»¹⁹. Писатель фактически в своей работе призывает ликвидировать регулярную армию и «содержать ее подрядом». Саму офицерскую службу Толстой называет делом бесчестным, и поэтому советует ее бросить, чтобы сохранить в себе истинное нравственное начало.

Позже в своей брошюре *Единое на потребу* (1905 г.) он выступит с резкой критикой любой формы власти, говоря, что «Власть над другим человеком есть ничто иное, как признанное право не только предавать других людей мучениям и убийствам, но и заставлять людей мучить самих себя...»²⁰, а в письме к Генриху Сенкевичу от 27 декабря 1907 г. Толстой напишет: «Теперешние же властители, учредители всякого рода насилий и убийств, уже до такой степени стоят ниже нравственных требований большинства, что на них нельзя даже и негодовать. Они только гадки и жалки. [...] бороться надо не с этими лишенными высшего человеческого сознания существами, а с тем ужасным, отсталым учреждением насильственного государственного устройства, которое и есть главный источник страданий человечества»²¹. Такого рода высказывания есть не что иное, как пропаганда отказа подчиняться любой власти даже из чувства необходимости сохранить порядок в государстве, что приводит к ситуации активизации анархических и разрушающих начал, к безвластию и хаосу. В.Л. Величко в 1902 г. отмечал, что отказ от трех главных столпов российской государственности «Православия – Самодержавия – Народности» приведет страну к неминуемой гибели. Он также добавлял, что формула Уварова уже включает в себя пропорционально распределенные охранительные и прогрессивные элементы, а именно «освященное религией» единовластие, «и стремление к высшей духовной свободе, и свободное подчинение религиозно-политическим нормам, облагораживающим ее»²².

Но еще раньше К.Н. Леонтьев, резко критиковавший идеи Толстого и называвший его «розовым христианином», отчетливо писал о том, чем грозят России анархические лозунги. Отсюда и вытекает главный призыв мыслителя «подморозить Россию», он говорил о необходимости «стеснения», «ограничения», «спасительного насилия». Философ призывал к сохранению дисциплины и строгой иерархии во всех государственных институтах во избежание брожения в них и писал, что в России любые демократические преобразования вызовут только негативный эффект, так как «Русский народ воспитывать в легальности не возможно, это очень долгая история. Хороший генерал ему понятнее и даже приятнее хорошего параграфа устава. [...] Великие события не ждут окончания этого векового курса! А пока наш народ понимает и любит власть больше, чем закон.

¹⁹ Толстой Л.Н. Проект о переформировании армии // он же. Собрание сочинений в 22 тт. М., 1983. Т. 16. С. 400.

²⁰ Он же. *Единое на потребу* // он же. Собрание сочинений в 90 тт. М.-Л., 1936. Т. 36. С. 176.

²¹ Он же. Письмо к Генриху Сенкевичу // он же. Собрание сочинений в 90 тт. М., 1956. Т. 77. С. 273.

²² Величко В.Л. Старый фазис в истории «Вестника Европы» // Русский вестник. 1902. № 7. С. 336.

Только одна могучая монархическая власть, ничем, кроме собственной совести не стесняемая, освященная свыше религией, может найти практически выход из неразрешимой, по-видимому, современной задачи»²³. Предчувствуя возможную катастрофу, Леонтьев писал: «А пока вообще нужно поменьше движения в обществе [...] Теперь – до разрешения Восточного вопроса, надо одно – подморозить все то, что осталось от 20-х, 30-х и 40-х годов»²⁴. Идею Леонтьева перенял и Вл.С. Соловьёв, утверждавший, что право, армия и государство необходимы для того, чтобы мир не превратился в ад.

К.Н. Леонтьев был одним из первых, кто заговорил о феномене среднего европейца – обывателе, человеке без личности, способного к развитию, но при этом не устремляющего свою волю на то, чтобы сохранить самобытность и прожить жизнь по-своему. Он вместо этого легко поддается логике толпы, становится частью безликой массы. Именно зараженная анархическими элементами толпа-масса стала движущей силой революции, победа которой была обеспечена развалом охранительных институтов, прежде всего армии. Это был триумф русского анархизма, о котором Евгений Трубецкой писал следующим образом: «Теперь в России мы наблюдаем дальнейшее развитие той же логики всемирной войны. [...] Распались все общественные связи, рухнул весь государственный порядок и внутренний мир. И словно самой родины нет больше, – есть только враждующие между собою классы. А временами кажется, что нет больше классов. Есть только хищные волки, которые рвут друг друга на части или собираются в стаи, чтобы вместе нападать на одиноких»²⁵.

Революция опрокинула Россию в темную бездну русской стихии и антихристианских духов, раскрыла двойственную природу русского народа, его внутреннее азиатство. Русский человек оказался во власти ложной революционной морали и святости, абсолютно противоположной европейско-христианским ценностям, тем самым погрузив Россию в долгий культурный и исторический кризис.

²³ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева. М., 1996. С. 193.

²⁴ Там же. С. 339.

²⁵ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2011. С. 342.